

Pathfinder Tales

Книга вторая.

Первая шеренга зимних волков прыгнула сквозь пламя, обнажив клыки и сверкая глазами, светящимися древним синим светом. Элласиф затаила дыхание при виде их. Они были столь же прекрасны, сколь и ужасны, и на мгновение ей стало интересно, каково это - погрузить руку в густой белый мех.

С чердаков домиков доносилось звонкое пение тетив луков. Буря стрел устремилась к огненному рву. Большинство отскочило от толстых шкур, но три зимних волка споткнулись и упали. Двое поднялись и побежали снова, несмотря на торчащие из их тел стрелы. Третий волк лежал, дергаясь, из его глазницы торчало белое древко.

Сердце Элласиф торжествовало, когда дети Белого Грача сделали первый залп. Времени на второй уже не было.

"Приготовиться!" - завывала Красная Охме.

Воины побежали вперед и уперли свои пики в стену щитов, железные острия были направлены в сторону атакующей стаи. Все воины, со щитами и копьями, приготовились к удару.

Но волки не бросили вызов стене. К изумлению Элласиф, первая шеренга остановилась и поднялась на задние лапы. Они положили передние лапы на верхние края щитов и, наконец, запели, но не луне. Они пели зиме.

Из пасти волков полились кристаллические облака, переливающиеся в свете костра, а затем превратившиеся в ледяной туман. Мороз, покрывший пасть тварей, побелил лица воинов, которые рухнули на землю, застыв, как срубленные деревья.

Зимняя Ведьма

Элейн КаннингемПролог

Танцующий Домик

В Землях Королей Линнорма дети редко плачут, а выносливые северные женщины кричат только в ярости битвы. Проклятия же - это прославленное искусство, которым женщина овладевает лишь тогда, когда приближается момент родов.

Марит оттачивала свое искусство, корчась на постели, простыни которой уже пропитались потом ее агонии. Ее единственная помощница сидела, сгорбившись, на стуле неподалеку. Элласиф только что вступила в свою десятую зиму. Ее маленькое личико сосредоточенно морщилось, когда она запоминала несколько наиболее изобретательных фраз своей матери.

Когда волны боли утихли и Марит лежала, прихрамывая и задыхаясь, Элласиф окунула тряпочку в настой успокаивающих трав. Она выжала ее почти досуха и накрыла ею лоб матери. То, что ребенок решил родиться именно сегодня, когда мать уже ослабла от лихорадки, было несчастьем, но повитуха не удивилась. Всем было известно, что бури вызывают к нерожденным.

И такая буря! Ветер завывал, проносясь по деревне, скребся по домику и вырывал горсти соломы. Осколки льда бились о закрытые ставнями окна. Градины падали в дымоход и с шипением умирали в огне очага. Свеча на прикроватном столике задрожала, когда очередной

раскат грома донесся из леса, отделявшего деревню Белый Грач от вечно ветреной страны Иррисен.

Элласиф пришло в голову, что отдаленный гул, который она слышала с наступлением ночи, может быть вовсе не громом. От мысли о том, чем еще может быть этот звук, у нее перехватило дыхание, а губы беззвучно сложились в одно из проклятий, которые она только что выучила.

Элласиф никогда не задумывалась над тем, что деревенские дети рассказывали о зимовщиках, и над лабиринтом живых изгородей, которые держали этих сказочных ужасов на расстоянии. Но тогда она и представить себе не могла, что эти ограды могут рухнуть.

Она подбежала к окну и распахнула ставни. Встав на цыпочки, она выглянула на поляну.

Дождь и снег лили не переставая, холодный ливень налипал на крыши и деревья все более толстым слоем льда. Но жители Белого Грача продолжали свою работу. Костер, пылающий в центре деревни, давал широкий круг света и, как показалось Элласифе, гораздо больше теней, чем могли объяснить одни только люди. Среди домов, больших и малых, витали беспокойные духи.

Большинство деревенских женщин ухаживали за березовой рощей - естественным частоколом, протянувшимся с севера на юг от скал к реке. Решетка из лоз соединяла деревья в замысловатый узор, который был одновременно лабиринтом и забором. Женщины переходили от одного стонущего дерева к другому, стряхивая лед с поникших сучьев. Бузинная береза пошатнулась под своей ношей и сломалась со звуком, подобным тысяче разбитых кувшинов с медовухой. Женщины разбежались, когда дерево рухнуло на землю, увлекая за собой несколько более мелких соседей и паутину переплетенных лоз, соединявших их.

Грохот еще не успел стихнуть, когда над деревней прокатился еще один глубокий раскат. Он был гораздо ближе, чем все предыдущие, и невозможно было ошибиться в последовавшем за ним звуке: это был медленный крик падающего дерева.

Элласиф приготовилась к удару, ее дыхание замерло, пока она отсчитывала мгновения. Сотрясающий землю треск возвестил о гибели древней сосны, одного из столбов, поддерживающих ограду из лоз толщиной с дерево, которую люди Белого Грача формировали и ухаживали на протяжении многих поколений.

Внешний периметр рушился.

Они не могли ожидать помощи ни от одного короля. Офир Восьмипалый не проявлял особого интереса к защите границы с Иррисеном, несмотря на близость своей столицы, и были те, кто говорил, что он не настоящий король по этой и другим причинам. Было время, когда Тролльхейм объявил деревню частью своей территории, но кастелян Фрейр Дарквайн не посылал своих Черных воронов так далеко на юг с начала Междущарствия. Мужчины и женщины Белого Грача в одиночку противостояли захватчикам.

Деревенские женщины покинули березовую рощу, чтобы защититься от того, что может прийти через брешь. Руки Элласиф чесались от желания взять в руки оружие, когда она наблюдала за тем, как женщины занимают свои позиции. Она вытерла ладони о грубую шерсть юбки и попыталась отогнать желание сражаться. Она знала, что ее место здесь. Скоро она станет старшей сестрой, со всей ответственностью, которую влекла за собой эта роль.

Но само безумие подготовки к битве оказалось слишком заманчивым, чтобы сопротивляться. Элласиф задержалась у окна, наблюдая, как мужчины катят бочки с вьариком -

дистиллированным спиртным напитком, достаточно сильным, чтобы ослепить линнорма, - в выложенную камнем траншею, которая образовывала барьер вокруг деревни. Воины заняли позиции в ста шагах за огненным рвом, держа в руках оружие, а высокие деревянные щиты лежали перед ними наготове на земле. Глаза Элласиф засветились от предвкушения. Она никогда не видела в бою стену из щитов. Согласно сказаниям бардов, немногие враги могли преодолеть барьер, созданный из воинов Ульфена.

Воины с копьями выстроились в дюжине шагов позади передней линии и держали оружие в руках. Несколько старших мальчиков тащили связки копий из оружейных хижин. Один уже занял место рядом со своим воином, держа наготове четыре вида оружия: два тонких метательных копья, прочную пику и короткое копье для рукопашного боя.

В центре деревенской поляны, позади воинов и их мальчиков, трое стариков разжигали костер. Шторм боролся с ними, гоняя снег и внезапные порывы ветра, которые то сбивали прыгающее пламя, то швыряли его на соломенные крыши окрестных домов. Но огромный очаг сдерживал пламя, а круг каменных столбов, поддерживающих коническую крышу и дымоход центра деревни, сохранял дрова достаточно сухими для горения. Возле ямы стояли ведра со смолой, в них торчали наконечники огненных стрел.

За ямой собралось еще больше воинов, приготовивших оружие - от мечей, вил и длинных факелов. Любой похититель детей у зимовщиков, пробравшийся через покосившиеся заборы, должен был пройти огненную и железную полосу, прежде чем добраться до уязвимых детей или матерей. Все остальные в деревне, будь то копьеносец или щитеносец, умерли бы прежде, чем позволили бы этому случиться.

Те, кто пережил испытание, не считали деревенских детей легкой добычей. На вершине каждого дома был чердак с узкими окнами, расположенными во фронтонах крутой крыши. Распахнутые ставни позволяли увидеть мальчиков и девочек, слишком юных, чтобы держать в руках меч, копье или боевой топор, но не менее смертоносных с луком.

Элласиф взглянула на лестницу, ведущую на чердак ее семьи. Там ее ждал крепкий лук из тиса. Ее взгляд переместился на девичий меч над очагом. Вдох тоски и разочарования прозвучал сквозь зубы. Первое оружие ее матери, вопреки деревенскому обычаю, никогда не станет ее оружием. Ульфенские воины славились высоким ростом и силой, но Элласиф всегда была маленькой для своего возраста, и, похоже, ей суждено было остаться такой. Никто с ее ростом никогда не станет девой со щитом. И неважно, что единственный мальчик, осмелившийся насмехаться над ней по этому поводу, ходил прихрамывая от полнолуния до самого новолуния.

"Элласиф, уходи..."

Болезненный вздох оборвал это наставление. Элласиф повернулась к кровати.

Ночной халат ее матери, и без того влажный от пота, был заляпан еще более зловещими пятнами. Элласиф знала, что это значит. Младенец должен появиться скоро, иначе мать и дитя погибнут.

Элласиф опустилась на колени у изножья кровати матери. "Я поймаю младенца и буду заботиться о нем", - сказала она. "В этом я клянусь. А теперь делай свою часть работы".

Эти церемониальные слова предназначались для сестры или близкой повитухи, но Элласиф произнесла их с уверенностью и убежденностью взрослой женщины. Марит сделала то, что велела ей дочь, приподнялась на локтях и издала бессловесный боевой клич, пытаясь

вытолкнуть ребенка из теплой пещеры своего тела в холодный мир.

Боли Марит прекратились, не достигнув своей цели. Она упала обратно на кровать, бледная, как фантом. Она сжала влажные простыни и посмотрела на свои окровавленные пальцы. Тень отчаяния промелькнула на ее лице.

"Иди, Сиф", - простонала она. "Принеси Агитру".

Элласиф покачала головой. "Она не придет. Она не сможет. Акушерка она или нет, но если она сейчас покинет свое место, Красная Охмэ проткнет ее собственным копьем и зажарит на костре".

"Ты, дочь моя, не должна смотреть..." Голос Марит оборвался на неровном кашле. Она прочистила горло. "Ты не должна смотреть вместе со мной и принимать роды".

"Кому лучше?" - сказал Элласиф. "Кто ухаживал за козами прошлым летом, когда они роняли своих детей? Я никого из них не потеряла, даже белую няню с ее двойней! У этого ребенка будет меньше ног и, если боги пожелают, не будет острых копыт".

Слабый смешок вырвался из потрескавшихся губ Марит. "С божьей помощью", - сказала она. Подняв одну руку к округлившемуся животу, она провела над ребенком древнюю руну защиты: глубокий полумесяц, перечеркнутый прямой линией, отпечаток ноги, символ Того, Кто Наблюдает, белого ворона. Большинство жителей деревни назвали бы этот жест суеверием или даже колдовством, но Элласиф одобрительно кивнула. Другие жители могли молиться только Торагу или Десне, Горуму или Эрастил, и это было хорошо. Жизнь была бы проще, если бы боги были единственными силами, которые нужно было бы умиротворять, но когда жизнь была простой? Ежегодно в жизнь человека вмешивались тысячи духов.

Порыв ветра потряс домик. Ставня, которую Элласиф открыла, распахнулась и треснула о внешнюю стену. Пламя свечи подпрыгнуло, как испуганная кошка, и исчезло в темноте.

Элласиф выбежала наружу. Снег хлестал ее по лицу, а ветер трепал юбку по ногам, когда она возвращала ставню на место. Она задвинула внешний засов и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть разрушение березовой рощи.

И без того согнутые под тяжестью льда, стройные белые деревья не могли больше выдержать. Ледяные порывы отрывали сучья и бросали их на твердую землю между рощей и деревней. Целые деревья рушились, оставляя за собой обломанные пни или дыры, вырванные корнями. Остались только самые сильные, в том числе огромная береза, на белом стволе которой было вырезано изображение птицы, давшей название деревне.

"Огненный ров!" - закричал деревенский мужик. "Зажгите огненный ров!"

Взгляд Элласиф метнулся в сторону человека, выкрикнувшего предупреждение. За березовой рощей лес был оживлен парами сверкающих глаз. Кто-то бросил факел в ров. Голубое пламя взметнулось к небу и понеслось по каменной траншее - огневому валу, призванному напугать волчью стаю и заставить ее отступить.

"Это не простые лесные волки", - прошептала про себя Элласиф. Обычные волки поют на луну. Эти существа нападали так же бесшумно, как и собирались. Огромные белые чудовища, размером с ледяного медведя, они вырвались из тени и напали на огненный ров, выстроившись в двойную линию, не уступающую по порядку стене щитов Ульфена.

"Копья прочь!" - прокричал женский голос.

Сердце Элласиф забилося при этом звуке. Приказ Красной Охмe парил над бурей так же уверенно, как когда-то ее корабли-рейдеры рассекали бурные волны. Ничто не могло победить старого воина.

Воины в первой линии опустились на одно колено и выставили свои щиты, края которых наложились друг на друга, образуя сплошную стену. Позади них воины подняли копья, пробежали три шага и обрушили на них чашу смерти.

Взгляд Элласифа проследил за копьем Агитры, которое пронеслось над коленопреклоненными воинами и полетело прямо к огненному рву. Двадцать копий или больше последовали за ним, и все они исчезли в огне. Резкие крики, донесшиеся из-за огненного барьера, подтвердили правильность их цели.

Первая шеренга зимних волков прыгнула сквозь пламя, обнажив клыки и сверкая глазами, светящимися древним синим светом. Элласиф затаила дыхание при виде их. Они были столь же прекрасны, сколь и ужасны, и на мгновение ей стало интересно, каково это - погрузить руку в густой белый мех.

С чердаков домиков доносилось звонкое пение тетив луков. Буря стрел устремилась к огненному рву. Большинство отскочило от толстых шкур, но три зимних волка споткнулись и упали. Двое поднялись и побежали снова, несмотря на торчащие из их тел стрелы. Третий волк лежал, дергаясь, из его глазницы торчало белое древко.

Сердце Элласиф торжествовало, когда дети Белого Грача сделали первый залп. Времени на второй уже не было.

"Приготовиться!" - завывала Красная Охме.

Воины побежали вперед и уперли свои пики в стену щитов, железные острия были направлены в сторону атакующей стаи. Все воины, со щитами и копьями, приготовились к удару.

Но волки не бросили вызов стене. К изумлению Элласиф, первая шеренга остановилась и поднялась на задние лапы. Они положили передние лапы на верхние края щитов и, наконец, запели, но не луне. Они пели зиме.

Из пасти волков полились кристаллические облака, переливающиеся в свете костра, а затем превратившиеся в ледяной туман. Мороз, покрывший пасть тварей, побелил лица воинов, которые рухнули на землю, застыв, как срубленные деревья.

Вторая волна зимних волков ударила, набросившись на щиты, прежде чем выжившие воины успели оправиться от ледяного удара. Стена отскочила назад, врезавшись в поднятые воинами мечи. Дикие челюсти выхватывали оружие у воинов, разрывая плоть, которую ледяное дыхание приварило к замерзшему металлу. Обезоруженные воины потянулись искалеченными руками к кинжалам в ножнах своих сапог.

Но зимние волки уже отступили. Когда они понеслись прочь, Элласиф молилась, чтобы эти твари исчезли в лесу. Вопреки ее надеждам, они остановились совсем рядом с полыхающим пламенем вяриков и развернулись для новой атаки.

Элласиф перевела дыхание. Павшие копыеносцы оставили бреши в стене щитов, через которые могли легко проскочить зимние волки. Враги увидели свой шанс. Они наступали в хаотическом

порыве.

"Поднять щиты!" - крикнула Красная Охме.

Оставшиеся в живых копьеметатели отступили назад, а воины в стене щитов встали как один, подняв стену, чтобы встретить атаку.

Не все волки прыгнули. Некоторые спускались ниже, чтобы атаковать голени воинов, а другие тревожили края стены щитов своими огромными челюстями. Один из мелких волков вскарабкался на крутой утес на северной границе деревни, но упал обратно в стаю.

В последовавшем хаосе боевые крики ульфенов смешались с рычанием чудовищ, но это были не простые звери. При звуке человеческих голосов, вырвавшихся из разинутой пасти зимних волков, по кишкам Элласиф растеклась холодная капля страха. Огромная волчья сука висела поодаль, выкрикивая команды, подражая голосу Рыжей Охме. Элласиф никогда раньше не видела зимнего волка, но она слышала легенду о нем. Если это была страшная волчица, охотница зимних ведьм, то эта ночь, несомненно, могла стать гибелью Белого Грача.

Стена щитов выдержала. Воины наносили удары по волкам, которые скалились над щитами. Они тянулись вниз, чтобы отбиться от щелкающих челюстей снизу. Когда один воин падал, другие отступали, чтобы закрыть брешь. Жители деревни оттаскивали тех раненых, которых волки еще не успели вырвать из их рук. Элласиф отчаянно старалась не обращать внимания на ужасные раздирающие звуки, доносившиеся с дальней стороны стены щитов, когда враг расправлялся с защитниками деревни.

Но стена щитов уменьшалась, и скоро она уже не могла заполнить брешь между утесом и рекой. Воины за щитовой стеной приготовили оружие к неизбежному прорыву.

Мимо пробежал друг Элласиф - Ядрек, сжимая в руке обрезанный кусок пилы. Ее широкая головка была изогнута крючком в одну сторону - идеальное оружие для перерезания подколенных сухожилий врагов за щитовой стеной. Ядрек резко остановился и повернулся к Элласиф. Выражение его лица было настолько свирепым, что на мгновение Элласиф ожидала, что он бросит оружие ей в лицо.

"Выполняй свою задачу", - прорычал он, повторяя первое правило сражения Красной Охме.

Волна стыда захлестнула Элласиф. Все в Белом Граче знали, что делать в случае нападения. Она должна была находиться на чердаке и встречать стрелой в горло любого, кто пересечет огненный ров. Ничто, даже забота о матери, не должно было отвлекать ее от боевой задачи. Все в деревне уже повиновались своему долгу.

Все, кроме Элласиф.

Она отмахнулась от упрека Ядрека отрывистым кивком и побежала обратно в дом. Она закрыла за собой дверь. Она направилась прямо к кровати, ненадолго остановившись, когда услышала, как Красная Охме призвала огненные стрелы. Ей хотелось быть в битве, а не на ее краю.

Марит согнула спину в очередном приступе агонии. Ее дыхание стало слабым. Элласиф поспешила к изножью кровати и увидела, что младенец наконец появился на свет. Она прижала к себе увенчанную головку и провела пальцами по крошечной шейке, чтобы убедиться, что пуповина не запуталась. Казалось, все в порядке. Не было причин, по которым ребенок не мог бы родиться сейчас.

"Еще раз", - попросила она.

Глаза Марит открылись. Ее взгляд остановился на лице дочери. Элласиф улыбнулась с большей уверенностью, чем чувствовала, и ободряюще кивнула матери.

Мать сделала последнее усилие, и новорожденный скользнул в руки сестры.

"Девочка", - ликовала Элласиф, показывая младенца матери.

Марит улыбнулась и упала в обморок.

Так случилось, что Элласиф была единственной свидетельницей первого вздоха своей сестры. За этим последовал не крик новорожденного, а веселый смех.

От шока у Элласиф застыли конечности, а ужас стиснул ее сердце ледяными пальцами. Все знали, что смех при первом вдохе - признак Тирен'кия.

Она смотрела на окровавленного младенца, все еще связанного пуповиной, и все еще смеявшегося. Она недоумевала, как это могла быть ее новорожденная сестра, это крошечное существо, только что появившееся на свет и так скоро обреченное на смерть. Она была проклята.

Жители Белого Грача скорее пронесли бы кусок оленины через медвежью берлогу, чем позволили бы жить столь опасному ребенку. Никто точно не знал, что такое Тирен'кии, и почему они иногда овладевают новорожденными ульфенцами, но понимание таких тайн мало привлекало людей Элласифы. Они понимали лишь то, что такие дети опасны, их духи испорчены силами фей, обитающих в соседнем Иррисене. Ни один такой ребенок не мог жить среди ульфенов.

И все же, подумала Элласиф, это была ее сестра. Она поклялась защищать это дитя.

В хаос бури и битвы влился новый голос - звук, рожденный в нечестивом браке звериного рева и орлиного крика. Он отозвался в самых глубинах тела Элласиф, леденя ее печень и парализуя легкие. Это был звук, который она слышала раньше только на большом расстоянии; звук, который заставлял ее прятаться под одеялом и читать три молитвы, которые она помнила, снова и снова до самого рассвета.

Это был крик ледяного тролля.

Марит открыла глаза - рефлекс воина, полностью проснувшегося при звуке опасности.

"Элласиф, на чердак", - прохрипела она. Она говорила еще хуже, чем Элласиф опасалась раньше.

Элласиф положила младенца на живот матери. Марит с поразительной силой схватила старшую дочь за запястье. Ее горячие глаза горели.

"Отнеси ребенка на чердак, - приказала она. "Ты поклялась заботиться о ней. Я требую, чтобы ты выполнила свою клятву".

Прежде чем Элласиф успела ответить, ее мать снова погрузилась в бессознательное состояние.

Элласиф отвесила челюсть и принялась за работу с уверенностью в руках. Все было готово: нож, чтобы перерезать пуповину, чистая льняная нить, чтобы перевязать ее, мягкое одеяло, в

которое можно было завернуть младенца. Мгновение спустя Элласиф взобралась по лестнице на чердак, одной рукой держась за перекладины, другой прижимая к плечу свернутого младенца.

Она положила ребенка на соломенный матрас, чтобы освободить руки, и втащила лестницу на чердак. Веревка и шкив, прикрепленные к потолку, фиксировали тяжелую деревянную дверь. Это была слабая защита от захватчиков-троллей, но это было лучшее, что Элласиф могла предложить своей сестре.

Доски под ее ногами вздрогнули, когда треск еще одного обреченного дерева потряс деревню. Мгновение спустя дверь распахнулась.

В дом вбежал отец Элласиф, Кьелл. Кровь залила его желтую бороду, а дикий взгляд окинул комнату. Увидев его пустые руки, Элласиф поняла, что такое настоящий страх.

Ее отец покинул свое место. Он отставил свой топор еще до конца битвы. Элласиф не могла представить себе более убедительного доказательства того, что Белый Грач потерпел поражение.

Кьелл подбежал к кровати и заключил жену в свои объятия - одеяла и все остальное. Он вихрем помчался к чердаку.

"Поторопись, Элласиф!" - крикнул он. "Северная сосна падает".

Их дом стоял на северном конце деревенского полумесяца, ближе всего к лесу. Скрип падающего дерева становился все громче. Времени на то, чтобы столкнуть лестницу обратно вниз, не было. Она могла прыгать и катиться, но не с ребенком на руках.

Впервые Элласиф заметила блеяние своих коз на улице. Сарай стоял отдельно от домика, но крыша и чердак проходили над обоими зданиями. Второй, меньший люк вел вниз, в загон.

Она потянулась за малышом, когда крик отца вернул ее внимание на пол домика. Огромный зимний волк скрючился в дверном проеме, преграждая путь ее родителям.

"Ты убил мою подругу", - сказал зверь грубым женским голосом, так похожим на голос Красной Охмы. "Теперь смотри, как я убью твою".

На губах Элласиф вырвалось вызывающее проклятие, но клятва, которую она дала, заставила ее замолчать. Она крепко прижала ребенка к груди и побежала.

Элласиф спустилась по лестнице в козлятник и пробралась через копошащееся стадо. Она отперла дверь и ворвалась на поляну среди небольшой толпы паникующих животных. Северная сосна вырвалась из лозы и стремительно накренилась. Ветер трепал ее ветви, и она падала в сторону дома.

Элласиф бежала сквозь бурю, уворачиваясь от ударов дубины ледяного тролля, и направлялась к оружейной хижине, расположенной ближе всего к горячему источнику. Она была каменной и прочной, и внутри было тепло. Там малышка будет в такой же безопасности, как и в любом другом месте Белого Грача.

Дерево рухнуло от удара, который Элласиф почувствовала всеми костями. Она оглянулась, чтобы посмотреть, не спаслись ли ее родители.

Один взгляд рассказал всю историю. Она услышала, как хнычет, но была слишком убита горем, чтобы стыдиться этого звука.

"Я заберу этот сверток, сучий детеныш", - прорычал знакомый голос.

Элласиф не слышала приближения волка. Она споткнулась и тяжело упала на одно колено.

Сталь пронеслась над ее головой, и волк вскрикнул от боли. Элласиф шарахнулась в сторону и поднялась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Красная Охмэ вонзает свой меч в плечо зимнего волка. Крепкий старый воин рывком освободил оружие и держала его наготове, но задача меча была выполнена. Ноги волчицы подкосились, и она тяжело упала на один бок. Кровь, хлынувшая из раны, остановилась, когда волчица перевела дух. У нее была засасывающая рана, и скоро ее собственные легкие утонут бы.

Кровавая пена выплеснулась из пасти твари и застыла на ее морде. Она устремила свои странные голубые глаза на лицо своего убийцы.

"Умри, старуха", - проклинала она. "Утони в луже собственной мочи. Погибни, забытая своей стаей". Волчица повернула голову к Элласиф, и ее губы изогнулись в клыкастой усмешке. "Умри без оружия, как отец этого сучьего детеныша".

Что-то глубоко внутри Элласиф треснуло, и что-то другое вырвалось на свободу. Она выхватила кинжал с пояса Рыжей Охмэ, сунула ребенка на руки воину и прыгнула на умирающего волка. Одним ударом она отрубила сливово-белый хвост, не заботясь о том, что никто в деревне, даже сама Рыжая Охмэ, никогда не осмеливалась взять трофей зимнего волка. Элласиф бросила страшный талисман волку, убившему ее родителей.

"Умри, старая жалкая сука", - прорычала она. "Умри и знай, что твой хвост висит на поясе этого детеныша".

"Элласиф!"

Тон Охмэ подсказал Элласиф, что она не раз произносила имя девочки, прежде чем Элласиф его услышала. Охмэ убрала нож назад и прижала ребенка к Элласиф. Выражение лица боевого командира было невозможно прочесть.

"Иди, дитя", - сказала она. "Отнеси младенца в укрытие".

Элласиф побежала, прижимая к груди плачущего ребенка. Град осыпал их, пока она пробиралась через руины битвы. Большинство зимних волков пало. В дымящейся луже крови лежали ледяные тролли и огненные стрелы, но двое из этих чудовищ все еще пробирались через деревню. Небольшие стаи ледяных гоблинов бегали тут и там, распевая веселые непристойности, когда они обходили домик за домиком.

Элласиф проскочила между двумя небольшими домами и остановилась. Путь ей преградил тролль ростом в восемь футов: чудовище стояло лицом к лицу с Агитрой и ее копьем. Существо взмахнуло своей дубиной по маятниковой дуге. Удар сломал оружие Агитры, как осеннюю ветку, и свалил повитуху с ног. Она согнулась пополам и упала на землю, как тряпичная кукла.

Трое воинов с топорами протиснулись мимо Элласиф и набросились на тролля, отрубая ему конечности. Позади них шли дети, которые подбирали мелкие куски тролля и бросали их в костер. Далеко не из каждого куса расчлененного тролля вырастет новое чудовище, но жители деревни Белого Грача научились быть осторожными. Элласиф бросилась искать

другую дорогу.

Рука вцепилась ей в ноги. Она споткнулась, но побежала дальше. У нее сжался живот, когда она поняла, что рука все еще держит ее за лодыжку, а пальцы впиваются в кожу сапог. Она сжала челюсти и продолжила идти, таща за собой огромную синюю руку с отрубленной кистью. Впереди была оружейная.

Она положила ребенка в деревянную корзину, закрыла и заперла дверь хижины. Зарядив устройство, она огляделась в поисках оружия. Рядом лежал труп женщины, настолько изуродованный, что только по длинным рыжим косам можно было определить, что это Таня, мать Оленьки, подруги Элласиф. Короткий меч женщины был до рукояти зарыт в тело зимнего волка, которого она убила.

Элласиф уперлась свободной ногой в окровавленную белую шкуру волка и вытащила меч. Она подтащила свою ношу поближе к кострищу, где потрескавшаяся в битве почва была мягкой, как летний суглинок, и проткнула синюю руку. Опираясь на меч, она основательно проткнула конечность тролля, а затем рывком освободила ногу. Чтобы поднять отрубленную руку и бросить ее в огонь, ей потребовалась вся ее сила.

Маслянистое пламя всколыхнулось вокруг отрубленной руки. Примерно в двадцати шагах от нее в агонии кричала синяя голова, все еще привязанная к одной руке и искореженному куску плеча, но больше ничего не было.

Элласиф поймала за руку проходящего мимо парня и показала на голову тролля. "Промажнулся", - сказала она. Отрубленная голова уже начала восстанавливать дыхательное горло и темный пульсирующий бутон, который должен был стать сердцем. Мальчик кивнул и поспешил избавиться от головы.

Какое-то время Элласиф просто стояла у ямы, не зная, что делать дальше. Все остальные, казалось, знали свою задачу и место. Двое детей с вилами проткнули руку тролля и погнали его обратно к яме, где старейшины следили за тем, чтобы каждый клочок их врагов был уничтожен.

Взгляд Элласиф упал на Ядрека. Он стоял, прислонившись спиной к стене дома, и отбивался от пары гоблинов. Всплеск дикой радости наполнил ее сердце. Элласиф высоко подняла меч над плечом и бросилась к своему другу.

Глаза Ядрека расширились, когда он увидел ее приближение. Один из гоблинов повернулся к Элласиф. Ее первый дикий выпад оборвал его изумленный крик, когда она ударила маленького монстра прямо в рот. Затем она повернула свое тело и направила импульс и вес меча на рассечение ноги. Яркая кровь брызнула из его перерезанной артерии. Недоверчивое выражение лица гоблина при других обстоятельствах было бы комичным. Он посмотрел вниз на свою рану, затем вверх на лицо Элласиф с выражением высшей досады. Затем он умер и упал на холодную землю.

Второй гоблин взвыл и обмяк, а в его ране глубоко застряла пила Ядрека. Ядрек встал на колени на узкой груди гоблина и перерезал ему горло своим ножом.

Стая гоблинов кинулась к ним, когда он поднялся. Ядрек протянул свой окровавленный нож Элласиф. "Хочешь поменяться?"

Элласиф усмехнулась и взяла меч.

Она бросилась навстречу главному гоблину. Первым же ударом она отбила его пику, дав ей возможность ударить существо между ног. Гоблин завизжал и перевернулся на спину. Ответный удар Элласиф промахнулся мимо его головы, но рассек шкуру следующего гоблина. Существо отпрыгнуло назад, сбив троих позади себя.

Элласиф сделала выпад, вонзив меч глубоко между ребер гоблина. Она смутно ощущала, как нож пронзил ее руку, как мерзкие когти, зловонное дыхание и ужасные проклятия, а рядом с ней сражался Ядрек, и его нож мелькал снова и снова.

Ей казалось, что она находится в раю. Не было ни тревожных мыслей, ни сомнений, ни неопределенности. Она хотела жить, а чтобы жить, надо было убивать. В мире не было ничего более славного.

Когда куча гоблинов умолкла - и, возможно, была уничтожена более старательно, чем того требовала необходимость, - молодые воины поднялись и долго смотрели друг на друга. Худощавое тело Ядрека содрогалось от тяжелого дыхания. В его сердце, конечно, был ужас, но он излучал еще больше силы и мужества, и Элласиф почувствовала, как что-то внутри нее всколыхнулось и двинулось к нему. Она заколебалась, и на мгновение их взгляды встретились. Элласиф облизала пересохшие губы. Ядрек отвел взгляд, его плечи опустились. Момент был упущен.

"Все кончено", - сказал Ядрек. В его голосе смешались облегчение и сожаление.

Элласиф не была уверена, что все закончилось. Ночь была наполнена приглушенными стонами умирающих, стуком града о крышу, возмущенными требованиями малыша, который не мог понять, почему его мать не встает, чтобы взять его на руки. Под всем этим скрывалась тихая, трепетная энергия, которую Элласиф не могла определить.

По лесу раздался глубокий стук, затем еще один. К тому времени, когда Элласиф смогла определить, что это шаги, они перешли в бег. Она присмотрелась к тени на заснеженных деревьях и увидела соломенную хижину, неуклюже парящую над землей.

Нет, поняла она. Она не летела. Скорее, хижина стояла на двух огромных чешуйчатых ногах. Первым впечатлением Элласиф было, что это конечности какого-то истощенного золотого дракона, но потом она различила птичий угол суставов и черные когти курицы. Это было не простое чудовище.

Ходячая избушка перешагнула через поваленную березу и вошла в деревню. Никто не произнес ни слова. Никто не поднял оружия. Никто не посмел бросить вызов Бабе Яге, матери ириссенских королей, или какому-нибудь страшному эмиссару, которому великая ведьма приказала направлять ее танцующую избушку.

На южной окраине деревни застонал ребенок. Хижина вихрем понеслась на звук. Ее внезапное движение разрушило чары. Воины забыли о своих ранах и бросились в атаку.

Огненные стрелы устремились к хижине и отскочили в сторону, не задев черепичных стен. Старый воин с белыми волосами и высоко поднятым боевым топором бросился в атаку. Один огромный когтистый палец отбросил его в сторону без больших усилий, чем Элласиф могла бы потратить на мышку. Хижина раздавила под ногами двух воинов с копьями, пока шла к дому, где находился ребенок, крики которого насторожили ее.

Младенец затих, несомненно, утихомирившись своими братьями и сестрами. Хижина остановилась рядом с домом и наклонилась в одну сторону, как птица, прислушивающаяся к

червям. Быстрее, чем можно было подумать, она подняла одну когтистую лапу и снесла половину крыши.

Еще больше воинов с топорами приблизились. В горле Элласиф встал комок, когда она узнала оружие своего отца в руках другого человека. Хижина растоптала мужчин в кровавые ошметки своими косыми когтями, направляясь к следующему домику.

Темный квадрат на земле привлек внимание Элласиф. Она наклонилась, чтобы поднять деревянную дранку, большую, чем те, что лежат на деревенских домах. Она понюхала ее. От него пахло дымом и травами, старой кровью и кожей рептилий. Она пахла именно так, как Элласиф представляла себе хижину ведьмы.

Она разломала ее на две части и бросила одну половину на тлеющую тушу волка. Дранка вспыхнула, как и обычный сухой хворост.

Элласиф побежала к Ядреку, который зашивал глубокую рану на лице Иваника, своего отца. Размахивая на бегу дранкой, она крикнула: "Это дерево! Избушка Бабы Яги деревянная!".

Мальчик нахмурился и потянулся за фляжкой с вяриком. Он вылил немного на тряпку, чтобы промыть рану.

"Это дерево", - повторила Элласиф. Она бросила черепицу в Ядрека.

Он отбил ее. "Ну и что? А что еще это может быть?"

"Дерево горит", - упорствовала она. "Огненные стрелы не могут пройти мимо магии Бабы Яги. Ни одна из наших атак не пройдет. Но если мы запустим огонь в избушку другим способом, то сможем удивить ее".

Иваник на мгновение задумался, его голубые глаза выглядывали из-под маски из крови и матовых бледных волос. Затем он взял у сына флягу и зубами вытащил пробку. "Я попробую".

Воин взял факел с ближайшей подставки и направился к ходячей хижине. Не успел он подойти достаточно близко, чтобы бросить факел, как хижина подхватила его одним могучим когтем и швырнула на ближайший домик. Хижина резко накренилась от движения, и сквозь хлопающие ставни окна Элласиф увидела странное зрелище. В центре хижины, привязанная к простому деревянному стулу, сидела крошечная беловолосая кукла. Серебристо-голубые глаза и фарфоровое личико - вот и все, что успел разглядеть Элласиф, прежде чем избушка выпрямилась, прочертив своими огромными куриными когтями глубокие борозды в мерзлой земле.

Сухая солома, обнажившаяся в результате исследований хижины, загорелась. Иваник, пошатываясь, поднялся на ноги, объятые синим пламенем вярика. Он взбежал по деревянному коньку крыши, пылая с каждым шагом все ярче, и бросился к хижине.

Он зацепился за край закрытого ставнями окна, потерял хватку и соскользнул вниз по черепичной стене. Каким-то образом он нашел опору, потом еще одну. Как, Элласиф не мог сказать. Огонь вокруг него яростно пылал, его жадное пламя пожирало одежду и грызло плоть под ней.

Хижина кружилась и вращалась, пытаясь сбросить человека, но Иваник цеплялся, как репей, несмотря на окружающее его пламя. Древесина под его горящим телом почернела в форме его тени.

Элласиф дотянулась до руки Ядрека и крепко сжала ее. "Он упадет", - крикнула она, наполовину надеясь, что так и будет.

Горящий человек снял с пояса кинжал и вогнал его в рукав другой руки, прижав себя плотью и костью к дымящейся стене. Почти сразу же он повалился, охваченный пламенем и дымом.

Но хижина не горела.

Элласиф подбежал к Красной Охмe и схватила ее за руку. "Ламповое масло!"

Понимание расширило глаза старого воина. Она выкрикнула приказ. Несколько женщин прибежали с сосудами и бросили их в хижину. Керамика разбилась о магические щиты хижины, но часть масла попала внутрь. Пламя лизнуло черепицу хижины и устремилось вверх, к соломе. Хижина вывернулась и, пылая, побежала к реке. Она перевалилась через крутой берег и исчезла с большим всплеском, затем вынырнула на поверхность, и вокруг ее крыши вспыхнул ореол пламени.

Он снова исчез. Мгновение спустя оранжевое мерцание коснулось поверхности, а затем исчезло. Жители деревни наблюдали за новым появлением.

Элласиф показалось, что весь мир затаил дыхание.

Пар вырвался из теснины в виде облака и унесся на восток. Грозовые тучи понеслись за ним, как послушные гончие, следующие за своим хозяином домой. Град и тьма уступили место серебристому небу, увенчанному розоватым рассветом.

В наступившей тишине жители деревни стояли, моргая, не в силах осознать, что ужасная ночь наконец-то закончилась, что они выжили.

Элласиф побежала в оружейную, ее горло сжалось от ужаса. Плач ребенка вызвал на ее лице улыбку облегчения. Она распахнула дверь и подхватила на руки покрасневшего младенца.

"Я буду доить белую няню, как только смогу ее поймать", - пообещала она малышке. "Ты можешь пить, сколько захочешь".

Она продолжала напевать малышу, присоединившись к группе детей, собравшихся у костра. Вид сестры - теперь ее подопечной, ее ребенка - немного смягчил страдания от потери родителей. Некоторых других детей уже уводили в новые дома жители деревни, слишком привыкшие к сиротству соседских детей, но сирот было больше, чем семей, готовых их принять. К удивлению Элласиф, Красная Охме прошла вдоль шеренги детей, осматривая их, как военачальник осматривает новобранцев. Она остановилась перед Оленькой, высокой и огненноволосой, как ее мама-воительница.

Конечно, подумала Элласиф. Оленька - воплощение щитовой девы, все, чем я не являюсь.

Но Красная Охме пошла дальше. Она подошла прямо к Элласиф и оглядела ее с ног до головы. Лицо Элласиф покраснело. Она боялась, что опозорилась перед величайшим героем деревни, когда изуродовала труп поверженного командира зимних волков. Однако взгляд Охме задержался на сухих глазах Элласиф и окровавленных руках, которые сжимали ее спеленутую сестру.

"Если будешь хорошо работать, я возьму тебя в свой дом. Я буду обучать тебя. Ты станешь сильной".

Элласиф могла только смотреть. Мечта, вырисовывающаяся перед ней, была слишком велика для любых слов, которые она знала. Красная Охме увидела ответ в глазах Элласиф и скрепила сделку отрывистым кивком. Затем она добавила: "Сначала ты должна найти дом для этого ребенка".

"Нет". Это слово вырвалось из горла Элласиф без предупреждения. "Ты должна взять нас обеих, Лив и меня вместе".

И вот так у ее сестры появилось имя.

Воительница нахмурилась и покачала головой. "У Аннгард есть ребенок у груди. Она может выкормить еще одного".

"Лив пьет козье молоко", - твердо сказала Элласиф. "Она будет не первой воительницей Белого Грача, выросшей на нем".

"А кто будет ухаживать за козами и растить ребенка?" потребовала Охме. "Обучение воина - дело нелегкое, и у тебя будет много обязанностей".

Элласиф упрямо подняла подбородок. "Я сделаю все это".

Наступило долгое молчание, пока два воина, старый и молодой, оценивали друг друга. Красная Охме пожала плечами. "Посмотрим".

Эмоции, слишком сильные, чтобы их можно было назвать, разрывали сердце Элласиф, когда она шла за Красной Охме к домику, который они будут делить. Она станет воином, обученным деревенским вождем. Она завладеет девичьим мечом своей матери и однажды закалит свой собственный меч в крови своих врагов. Как дева меча из Земель Королей Линнорма, ее будут уважать и бояться. Она могла бы претендовать на место, которое было прописано в ее природе и являлось ее частью, как стремление птенца к небу. Но как она могла радоваться этому, когда ее родители лежали мертвыми в руинах своего дома?

А как же странная буря и последовавшее за ней нападение? Все истории, которые Элласиф слышала об избушке Бабы Яги, говорили о том, что ее цели могут быть непостижимыми, но не капризными. Она пришла в Белый Грач не просто так. Казалось, она искала ребенка.

Тогда она с уверенностью поняла, что оно искало Лив, теперь ее дочь, так же как и сестру. Лив, ребенок, который смеялся, приветствуя Тирен'кии.

Как ни старалась, Элласиф не могла найти другого объяснения. Тирен'кии привлекли внимание зимовщиков. Они придут снова, ибо все знали, что если тирен'кий овладевает ребенком, то не уходит до тех пор, пока ребенок жив. Ради безопасности всех в Белом Граче Элласиф должна рассказать старейшинам деревни о том, что она видела и слышала при рождении Лив.

Даже когда эта мысль сформировалась, руки Элласиф крепче сжались вокруг ее крошечной сестры. Она дала клятву. Ее долг перед Лив был превыше всего, перед кем бы то ни было, даже перед собственными амбициями.

Тишина, решила Элласиф, шагая следом за старым воином. Тишина защитит ее сестру сегодня.

Пятнадцать Лет Спустя ...

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусты: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

Pathfinder Tales 02 - Зимняя Ведьма, Элейн Каннингем (2010)

Pathfinder Tales 02 - Winter Witch, Elaine Cunningham (2010)

<http://tl.rulate.ru/book/62477/1627380>